

Галина Ивановна Кустова

Россия, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Семантические процессы в конструкциях с рефлексивным местоимением

Ключевые слова: возвратное местоимение (рефлексив), повышающая актантная деривация, понижающая актантная деривация, непереходные конструкции, переходные конструкции

Key words: reflexive pronoun, valence-increasing derivation, valence-decreasing derivation, intransitive constructions, transitive constructions

Abstract

The paper is devoted to constructions with reflexive pronoun and an inanimate subject, e.g. *Ovoshchi sodержat v sebe vitaminy*. The constructions include a transitive verb and reflexive *sebya*. Such reflexive constructions are the result of valence-increasing derivation. They correlate with intransitive constructions, such as *V ovoshchakh sodержatsya vitaminy*. Such valence-increasing derivation occurs in the domain of non-agentive meanings. The process of valence-increasing derivation is compared with valence-decreasing derivation as in *Fortochka otkrylas'*.

В настоящей статье¹ речь пойдет о предложениях с рефлексивом (возвратным местоимением) *себя*, которые мы для краткости будем называть рефлексивными конструкциями.

В агентивных предложениях рефлексив *себя* показывает, что подлежащее и еще какой-то участник ситуации кореферентны, т. е. что референт подлежащего выполняет в ситуации две разных роли, ср.: *Он [X=Агенса] накрыл ребенка [Y=Пациенса] одеялом* – Агенса и Пациенса некорреферентны vs. *Он [X=Агенса] накрыл себя [X=Пациенса] одеялом* – Агенса и Пациенса кореферентны; *Он [X=Агенса] поклялся себе [X=Адресату] никогда так не делать* – Агенса и Адресата кореферентны.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-04-00507а.

Совершенно по-другому трактуются в литературе аналогичные предложения с неагентивным неодушевленным подлежащим – считается, что в таких предложениях рефлексив факультативный, избыточный и его всегда можно элиминировать [см., напр.: Падучева 1983: 13]: *Глагол подчиняет себе существительное*, ср.: *Глагол подчиняет существительное*; *Эта фраза содержит в себе глубокий смысл*, ср.: *Эта фраза содержит глубокий смысл*.

В таких возвратных конструкциях возможны не только неодушевленные, но и личные подлежащие, – главное, чтобы референт подлежащего не контролировал ситуацию, не был агенсом, ср.: *Рокер привлек к себе внимание экстравагантной прической*; *Декабристы открывают собою длинный ряд русских революционеров-мучеников, изгнанных, сосланных, казненных*; *Он подтверждал собой ту истину, что если человек талантлив, то талантлив во всем*.

В таких конструкциях участвуют многие глаголы в неагентивных – интерпретационных (см. ниже) – значениях²:

СЕБЯ – *изжить себя, исчерпать себя, дискредитировать себя, (не) оправдать себя, (не) окупить себя, показать себя, обнаружить себя* и др.: *Тема репрессий исчерпала себя*; *Идея «восьмерки» изжила себя*; *Новое оборудование должно окупить себя через 2–3 года*.

СОБОЙ – *доказать собой, заинтересовать собой, занимать собой, заполнять собой, знаменоваться собой, исчерпывать собой, открывать собой, охватывать собой, символизировать собой, характеризовать собой* и др.: *Это обстоятельство весьма заинтересовало собою двух смышленных господ*; *Рояль простоял несколько месяцев, занимая собой чуть не всю правую секцию*; *Публика заполнила собой все залы выставки*; *Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей*.

В СЕБЕ – *заключать в себе, объединять в себе, отражать в себе, скрывать в себе, содержать в себе, сочетать в себе, таить в себе, хранить в себе* и др.: *Метро объединяет в себе материальную жизнь и обипостаси загробной*; *Экспозиция призвана отразить в себе целых три века и даже больше*; *Расхожие экономические концепты и теории всегда скрывают в себе второй – политический – смысл*; *Кора этих веточек содержит в себе витамины и минеральные вещества*; *Категория времени до сих пор таит в себе множество загадок*; *Похоже, брянская земля хранит в себе какую-то тайну*.

В СЕБЯ – *включать в себя, вмещать в себя, вобрать в себя, впитать в себя*: *Список включает в себя пять фамилий*; *К концу 80-х хардкор вобрал в себя разнообразные музыкальные стили, такие как фанк, хип-хоп, блюз, фри-джаз*.

² Все литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru; дата обращения: 27.10.2015). В целях экономии места примеры даются в сокращении.

НА СЕБЕ – Тематика докладов **несет на себе** некоторый отпечаток современного положения отечественной экономики.

ЗА СОБОЙ – Термин «раса» **тянет за собой** длинный хвост негативных ассоциаций; Процесс демократизации общества неизбежно **влечет за собой** серьезные судебные преобразования.

К СЕБЕ – Ожерелье **притягивает к себе** взгляды; Экспонат **привлекает к себе** внимание посетителей.

СЕБЕ – Глагол **подчиняет себе** существительное.

ЧЕРЕЗ СЕБЯ – Смальта **пропускает через себя** свет.

Поскольку рефлексив, который встречается в приведенных примерах, как будто бы не вносит нового содержания и легко может быть устранен без изменения значения предложения, его можно назвать тавтологическим рефлексивом (ТР).

Такие конструкции практически не привлекают к себе внимание именно потому, что во всех падежах, кроме винительного, рефлексив факультативен и часто отсутствует. Между тем они, несомненно, заслуживают интереса, поскольку представляют важную сферу языковой семантики – интерпретационные значения – и иллюстрируют вполне массовый семантический процесс, сопровождающийся определенными синтаксическими изменениями, – чему и будет посвящена настоящая работа.

Прежде всего, неверно, что тавтологический рефлексив избыточен и всегда может быть устранен: можно опустить косвенные падежи, но винительный падеж является синтаксически обязательным: *Тема репрессий **исчерпала себя*** – **Тема репрессий исчерпала*; *Идея «восьмерки» **изжила себя*** – **Идея «восьмерки» изжила*; *Новое оборудование должно **окупить себя*** – **Новое оборудование должно окупить*. Вообще, то, что какой-то член предложения можно опустить, еще ни о чем не говорит: инструмент, например, тоже, как правило, можно опустить: *Хрежет хлеб ножом* → *Хрежет хлеб*. Тем не менее инструмент не считается избыточным и факультативным, – напротив, присутствует в семантической структуре и отражается в модели управления, куда записывается не только его семантическая роль, но и способы выражения падежными формами. То же – с тавтологическим рефлексивом. Если бы ТР был фантомным, ничего не значащим, свободно вставляемым и устраняемым синтаксическим элементом, то его можно было бы вставить в любое предложение в любом падеже – он ведь ничего не выражает и ни на что не влияет. Между тем это, конечно, не так. Даже если мы возьмем два близких по смыслу предложения:

(а) *Глагол **подчиняет** существительное и*

(б) *Глагол **доминирует над** существительным,*

то окажется, что в первое предложение рефлексив вставить можно:

(а) *Глагол **подчиняет себе** существительное,*

а во второе – нельзя:

(б) **Глагол **доминирует собой** над существительным.*

Поскольку (а) и (б) синонимичны, причину запрета нужно искать в формальных различиях: *доминировать* – непереходный глагол, он управляет предложной группой, а *подчинять* – переходный. Таким образом, переходность глагола – первое важное условие появления ТР: *Х исчерпывает собой что-то*, *Х заключает в себе что-то*, *Х пропускает через себя что-то*, ср. с непереходными: **Х отвечает собой на что-то* (**Эта акция отвечает собой на предшествующие действия наших оппонентов*); **Х соответствует собой чему-то*. Это особенно хорошо видно на примере близких по смыслу глаголов: при переходных глаголах ТР допускается, ср.: *Это знаменует собой что-то / символизирует собой что-то* (*Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей*), а при непереходном глаголе с близким значением – нет, ср.: **Это говорит собой о чем-то*.

Вторая важная особенность предложений с ТР – наличие непереходного коррелята – соотносительной непереходной конструкции. Чаще всего корреляция образована однокоренными глаголами – переходным и возвратным (*содержать–содержаться, подчинять–подчиняться, объединять–объединяться* и т. п.), ср.: *Эта фраза заключает в себе глубокий смысл – В этой фразе заключается глубокий смысл*. Если ТР стоит в винительном падеже, корреляцию образуют стальной перфект (пассивное причастие) и переходный глагол: *Тема исчерпана – Тема исчерпала себя*, или возвратный и переходный глаголы: *Затраты на новое оборудование окупилась – Затраты на новое оборудование окупили себя*. Однако возможны и «супплетивные пары» – важно, чтобы между ними было определенное смысловое соотношение: *На нем лежит отпечаток прошлого – Он несет на себе отпечаток прошлого* (глагол *несет* употребляется в стативном значении и выражает семантику свойства); *К нему тянутся люди – Он притягивает к себе людей*; *Внимание приковано к экспонату – Экспонат привлекает/приковывает к себе внимание*; *За разговором последовали новые объяснения – Разговор повлек за собой новые объяснения*; *На город обрушился удар основных сил противника – Город принял на себя удар основных сил противника*; *В мешок входит 50 кг – Мешок вмещает в себя 50 кг* (впрочем, есть и: *В мешок вмещается 50 кг*).

Наконец, есть третье принципиальное свойство конструкций с ТР – интерпретационная семантика. Интерпретационность мы понимаем широко – как сферу, противоположную агентивности (и шире – сфере физических действий и процессов, физической каузации).

В агентивной сфере Агенса отвечает не только за ход ситуации, но и за ее концептуализацию: ситуация имеет такое содержание, какое в нее вкладывает Агенса. В интерпретационной сфере за концептуализацию отвечает наблюдатель, интерпретатор. Интерпретировать можно самые разные ситуации – от физических до информационных, в том числе с агентивным субъектом. Но Интерпретатор не описывает реальное содержание ситуации, а приписывает ей некоторый смысл, концептуализуя ситуацию так, а не иначе. Например,

если человек все время сидит в интернете и не читает книг, вы можете сказать ему: *Ты обкрадываешь себя*. Это интерпретация.

Интерпретационность – это не точка, а шкала. Какая-то доля интерпретационности может содержаться даже в физических ситуациях. Например, в высказывании *Публика наполнила зал* – доля интерпретационности больше, чем в высказывании *Люди вошли в зал*, – потому что у публики не было цели наполнить, а была цель войти; *наполнить* – это концептуализация наблюдателя.

Интерпретационность – важнейшее семантическое условие конструкций с ТР. Те же самые глаголы, которые обозначают менее интерпретационные, более физические ситуации, не допускают употребления ТР, ср.: *Эта шкатулка хранит в себе много тайн / скрывает в себе много тайн / заключает в себе много тайн*, но: **Эта шкатулка хранит в себе много писем*; **Коробка хранит в себе обувь*.

Теперь обратимся к вопросу о том, почему ТР встречается только в переходных конструкциях и какую роль играет их корреляция с непереходными, – т. е. почему они должны рассматриваться в паре:

(а) *В овощах содержится витамины* – (б) *Овощи содержат в себе витамины*;

(а) *В любой точке голограммы заключается вся записанная в ней информация* – (б) *Любая точка голограммы заключает в себе всю записанную в ней информацию*;

(а) *Содержание символа не исчерпывается этими идеями* – (б) *Эти идеи не исчерпывают собой содержание символа*;

(а) *За термином «раса» тянется длинный хвост негативных ассоциаций* – (б) *Термин «раса» тянет за собой длинный хвост негативных ассоциаций*;

(а) *Ряд революционеров открывается декабристами* – (б) *Декабристы открывают собой длинный ряд русских революционеров-мучеников*;

(а) *Все стороны жизни охватываются «Домостроем»* – (б) *«Домострой» охватывает собой все стороны жизни*.

Рефлексивные конструкции (б) – результат синтаксического процесса. Они соотносятся с непереходной конструкцией, которая является синтаксически и семантически исходной.

Возвратные глаголы *содержаться, заключаться, тянуться, открываться* и др., первоначально соотносившиеся с невозвратными агентивными (ср.: *Смотритель содержит зверей в клетках; Автор заключил эти слова в кавычки; Мы исчерпали повестку дня; Мальчик тянет санки; Мэр открыл выставку* и т. д.), на определенном этапе семантического развития утрачивают связь с исходной агентивной ситуацией и в предложениях типа (а) выступают в стативном значении. Особенность таких стативов в том, что они двухместные, т. е. они выражают не просто состояние, а отношение между двумя участниками. В синтаксической конструкции *В овощах содержится*

витамины один из участников занимает высшую синтаксическую позицию³ – является подлежащим, второй (детерминант) выражается предложной группой. Однако в плане семантики и коммуникативной организации подлежащее не является главным участником. Более того, скорее этот второй участник является главным с семантической и коммуникативной точки зрения: именно он является темой сообщения и может претендовать на высшую позицию в коммуникативной иерархии – позицию подлежащего. В этом отношении конструкции типа ***В овощах содержатся витамины*** напоминают конструкции типа ***Джентльменам нравятся блондинки***, где семантическим субъектом – субъектом характеристики, – а также коммуникативным субъектом является именная группа в дательном падеже, а конструкция, включающая подлежащее (*нравятся блондинки*), выполняет функцию характеристики (ср.: *Джентльмены предпочитают блондинок*).

Таким образом, внешне пары вида *Свод держится на колоннах – Колонны держат свод* напоминают конверсивы, и именно так они обычно и рассматриваются (например, в модели «Смысл ⇔ Текст» [см. Апресян 1974: 266–275]) – как конверсивы, т. е. как равнозначные преобразования, действующие в обе стороны (ср. *выиграть* ⇔ *проиграть* или *купить* ⇔ *продать*). При этом природа и функции рефлексива в предложениях типа *Колонны держат на себе свод* при таком подходе вообще не обсуждаются и остаются необъясненными.

Если же предположить, что это преобразование имеет направление (т. е. одна конструкция исходная, а вторая – производная), то эти пары будут выглядеть совершенно иначе – как процесс образования переходной конструкции от непереходной.

Такое семантико-синтаксическое преобразование можно квалифицировать как повышающую актантную деривацию (о типах актантной деривации см. [Плунгян 2011: 276–288]).

Как известно, в русском языке широко представлен процесс понижающей деривации, которая происходит при образовании возвратного декаузативного глагола от агентивного глагола и на семантическом уровне заключается в устранении агенса или каузатора (при этом пациенс становится подлежащим): [*открыть форточку*] – *Форточка открылась*; [*сварить суп*] – *Суп сварился*; [*закатить шарик под диван*] – *Шарик закатился под диван*. Одновременно такая понижающая деривация является интранзитивизацией – образованием непереходного глагола от переходного. В сфере физических действий и событий процесс интранзитивизации имеет массовый и относительно регулярный характер.

При этом противоположный столь же массовый процесс – превращение непереходных глаголов в переходные (как бы ретранзитивизация – или просто

³ Об иерархии семантических ролей и соответствующей ей иерархии синтаксических позиций и падежей см., например, [Кибрик 2003: 121].

транзитивизация) и одновременно повышающая деривация – русской грамматической системе как будто бы не свойствен.

Повышающей деривацией является, например, каузативизация, ср.: (а) *Петя идет в детский сад* – (б) *Мама ведет Петю в детский сад*: в (б) по сравнению с (а) прибавляется новый актант, новая роль (каузатор) и новый референт (*мама*); исходная семантика ('Петя идет') целиком вкладывается в производную конструкцию ('Мама ведет Петю'). Если бы каузатив здесь образовывался регулярным грамматическим показателем, это была бы классическая повышающая деривация. Однако пары «некаузативный vs. каузативный глагол» типа *идти–вести*, *лежать–класть*, *сидеть–сажать* и подобные имеют в русском языке статус лексических корреляций и не являются результатом семантико-синтаксического преобразования. Аналогичная ситуация с единичными лексическими парами типа *ехать где – объехать что*. Они также относятся к лексической системе, а не к грамматической.

Между тем в русском языке есть достаточно массовый и регулярный процесс транзитивизации⁴ – преобразования непереходной конструкции в переходную, – который одновременно является процессом повышающей деривации; он действует в интерпретационной сфере и представлен как раз конструкциями с ТР:

(а) *В овощах содержатся витамины* → (б) *Овощи содержат в себе витамины*.

Почему это не конверсивы в строгом смысле (т. е. не равнозначные преобразования), а именно повышающая деривация? Во-первых, потому, что переходные конструкции типа *Овощи содержат в себе витамины* являются более сложными **формально**, за счет появления рефлексива, а во-вторых, они являются более сложными **семантически**, так как у них появляется новое значение – значение характеристики – и новый участник: субъект характеристики.

В отличие от предложения (а) *В овощах содержатся витамины*, построенного по бытийной модели (ср.: *В лесу водятся волки* [см. Арутюнова, Ширяев 1983]), – где есть фрагмент пространства и его «содержимое», – предложение (б) *Овощи содержат в себе витамины* значит не только и не столько 'овощи – это такое пространство, где есть витамины'; предложение (б) значит ≈ 'овощи имеют полезные свойства', так сказать, 'овощи витаминны', т. е. субъект здесь – не просто фрагмент мира, как в бытийных предложениях, а носитель свойства; аналогично: *Письмо содержит в себе объяснение* ≈ 'письмо объясняющее, объяснительное'; *Брянская земля хранит в себе какую-то тайну* ≈ 'брянская земля таинственна' и т. д. Разумеется, пространственная концептуализация ('хранить в себе', 'содержать в себе') здесь тоже сохраняется – она наследуется от исходной конструкции.

⁴ Учитывая, что возвратные глаголы *содержаться*, *тянуться*, *открываться* и под. образованы от переходных, этот процесс можно считать ретранзитивизацией.

Производные переходные конструкции имеют следующую схему толкования: *Овощи содержат в себе витамины* \approx ‘овощи имеют свойство, такое, что В НИХ содержатся витамины’; ‘что касается овощей, то В НИХ содержатся витамины’.

В это толкование целиком вкладывается исходная конструкция (*В овощах содержатся витамины*), – что и требуется для повышающей деривации. От этой исходной конструкции наследуется падеж (и семантическая роль) рефлексива (*содержатся в овощах* \rightarrow *в себе*; это роль условного пространства), а именная группа в именительном падеже имеет другую роль – субъекта характеристики, – которая прибавилась в результате повышающей деривации.

При этом именная группа из вставленной конструкции (*в чем*) выражается рефлексивом по общему правилу кореферентности. Более наглядно этот процесс можно проиллюстрировать следующим примером, где именная группа из подчиненной клаузы, перемещаясь в главную клаузу, автоматически заменяется на рефлексив в силу кореферентности с подлежащим, ср.: *Он приказал, чтобы ЕГО похоронили в лесу* \rightarrow *Он приказал похоронить СЕБЯ в лесу*. Аналогично: *ЭТИМИ ИДЕЯМИ не исчерпывается содержание символа* \rightarrow ‘Эти идеи характеризуются тем, что ИМИ не исчерпывается содержание символа’ = *Эти идеи не исчерпывают СОБОЙ содержание символа*.

Итак, в интерпретационной сфере существует синтаксический механизм, связанный с определенными семантическими изменениями, который преобразует непереходную конструкцию в переходную. По существу, здесь обнаруживаются две основные семантические модели.

ПЕРВАЯ модель: *Овощи содержат в себе витамины; Список включает в себя 20 фамилий*. Подлежащее здесь – это метафорическое пространство, а дополнение – его содержимое, наполнитель. И этот наполнитель является свойством, характеристикой данного пространства.

ВТОРАЯ модель: *Декабристы открывают собой список мучеников; Эти идеи не исчерпывают собой содержание символа* – здесь, наоборот, подлежащее – наполнитель пространства или элемент множества, а дополнение – это само условное пространство или множество. Т. е. это как бы обратные, конверсные модели.

Есть и другие модели, но эти две – главные и наиболее массовые.

Почему именно эти модели так активно используются в интерпретационных предложениях? Потому что в сфере абстрактных объектов и абстрактных ситуаций (почти) ничего не происходит. В отличие от физических, особенно агентивных, ситуаций, в которых происходят изменения, воздействия, преобразования (в том числе запланированные и контролируемые агенсом), и все это описывается множеством самых разных предикатов, у абстрактных объектов предикатов почти нет: абстрактные объекты возникают, существуют и исчезают, – а кроме того, образуют какие-то множества и какие-то связи (отношения). Поэтому не удивительно, что глаголы физической сферы, когда

они «достигают» уровня абстрактных объектов, начинают выражать значения из весьма ограниченного набора и в рамках весьма ограниченного арсенала синтаксических моделей. Что же касается материала для синтаксических преобразований, то для этой роли лучше всего подходят семантические модели, выражающие абстрактные отношения: множества и элемента (*включать в себя*), знака и смысла (*знаменоваться собой*), обусловленности (*влечет за собой*).

Удивительно другое – что в интерпретационной сфере обнаруживаются аналогии с агентивной сферой. Здесь действуют те же синтаксические процессы, но, так сказать, в противоположном направлении. Если в агентивной сфере широко представлен процесс понижения (понижающей деривации), редукции, когда агенс (контролер ситуации) или другой каузатор переводится в синтаксически менее престижную позицию или вовсе устраняется из ситуации, то в интерпретационной сфере действует противоположный процесс – «подъем», повышение синтаксического и семантического ранга участника ситуации, который, попадая в позицию подлежащего, становится как бы контролером ситуации – пусть и виртуальным. Тем самым возникает своего рода симулякр агентивной модели, ее синтаксический аналог, но с совершенно другим семантическим наполнением.

Литература

- Апресян Ю. Д., 1974, *Лексическая семантика: синонимические средства языка*, Москва: Наука.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н., 1983, *Русское предложение. Бытийный тип*, Москва: Русский язык.
- Кибрик А. Е., 2003, *Константы и переменные языка*, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Падучева Е. В., 1983, Возвратное местоимение с косвенным antecedentом и семантика рефлексивности, *Семиотика и информатика*, вып. 21, с. 3–33.
- Плунгян В. А., 2011, *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва: Российский государственный гуманитарный университет.